

МОЛОДЕЖЬ АЗЕРБАЙДЖАНА
г. БАКУ

ЛИК

4 АПРЕЛЯ 1985 г.

«МОЛОДЕЖЬ АЗЕРБАЙДЖАНА»

Литература • Искусство • Культура

Время летит стремительно для тех, кто умеет его наполнить глубоким смыслом, любимой работой, постоянным поиском. И, конечно же, пять с небольшим лет для них — срок немалый. А ведь именно столько времени прошло со дня нашей первой встречи с Зейналабдином Искендеровым, сейчас уже лауреатом премии Ленинского комсомола Азербайджана.

Увлечение Зейналабдином скульптурой началось еще в детстве. На занятиях в кружке Дома пионеров и в свободное время он мог часами вырезать из кости фигурки животных, чаще всего буйвола и медведя, а из небольшого куска дерева — стройного с ветвистыми рогами оленя. Одна из этих детских поделок, выполненных Зейналабдином, была даже отправлена в числе лучших работ на Международную детско-юношескую выставку в Канаду.

Уже серьезней и целенаправленной стало это увлечение в Азербайджанском государственном художественном училище имени А. Азим-заде, где Зейналабдин, учась на факультете скульптуры, с интересом узнавал о законах формы и пропорций, о качестве таких материалов, как обычная глина и мрамор, гранит и бронза, дерево и гипс.

Именно здесь, в училище, обычное юношеское увлечение переросло в твердое решение — непременно стать скульптором. Затем — учеба в Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова.

Тогда, в первую нашу встречу с Зейналабдином, он еще жил впечатлениями этого времени. Рассказывал о своих знаменитых учителях — Николае Васильевиче Томском и Михаиле Федоровиче Бабурине, чьи произведения вошли в историю советской монументальной скульптуры, об увлекательных лекциях по искусству и экскурсиях в прославленные музеи Москвы в сопровождении лучших искусствоведов, о той кипящей и неповторимой в силу молодости и творческого горения атмосфере, в которой жили все они — студенты Суриковского института.

В своих горячих спорах и многочасовых дискуссиях о значении и целях искусства они порой заходили так далеко, что рушили признанные авторитеты, низводили с пьедестала прославленные произведения искусства. А потом самим себе смущенно признавались в том, что все это — гениально.

Эти свойственные молодым максимализм и край-

ность в оценках, не пугали ни знаменитых учителей, ни седых мастеров. Ведь все это так напоминало им их молодость. Метания и поиск они объясняли естественным ростом своих учеников, желанием разобраться во многом, оценить сделанное, найти свое место в искусстве. Через этот, если можно так сказать, «горячий цех» искусства прошел и Зейналабдин Искендеров.

Долгие часы, которые про-

гушки, хотя и не было красивым, поражаало своей одухотворенностью. И вот эту одухотворенность никак не могла передать в скульптуре ее подруга.

Через несколько дней проходя мимо мастерской, Зейналабдин заглянул в нее. В пустой комнате одиноко и как-то покинуто выглядели незаконченные работы студентов. Была тут и та неудавшаяся скульптура. Почему-то всплыл в памяти образ увлекшейся чтением де-

Тот случай из студенческой жизни во многом помог Зейналабдину разобраться. Искусство стало для него не только возможностью самовыражения, но и желанием донести до других красоту и смысл окружающего их мира, людей, предметов, композиций.

После окончания Суриковского З. Искендеров получил направление в Азербайджанский государственный институт искусств имени М. Алиева, стал преподавателем.

по искусству, и не только это. Прочитаны мемуары соратников Ильича, тех, кто был лично с ним знаком. Их встречи с Владимиром Ильичем, впечатления очень помогли в работе над образом. «Многое, что было неясно, приобрело четкие очертания, особый смысл», — говорит Зейналабдин.

Молодому скульптору приходилось нелегко. Постоянное сравнение с лучшими образцами монументальной скульптуры, с работами сво-

и вся его фигура, взгляд устремлены в это будущее.

Снова и снова мы возвращаемся к работам Зейналабдина и мыслям его об искусстве, и чувствуется, что они помогли Зейналабдину не только увидеть образ вождя, но и на многое взглянуть по-другому. Особенно стала понятна и близка ему мысль Владимира Ильича о том, что только там, где есть правда, возможно настоящее искусство. Вот эту правду в искусстве Зейналабдин постоянно ищет во всем: в случайно запомнившимся движением, в промелькнувшем выражении лица, в позе.

Когда я спросила, что больше волнует его — процесс творчества или его итог, он, не задумываясь, ответил: «Конечно, процесс творчества, работа. Когда же она завершена, я ощущаю какую-то пустоту, как будто расстаться с чем-то близким, как будто отрываешь кусочек себя».

В мастерской скульптора тесно от работ. Среди них можно увидеть и небольшие копии уже осуществленных произведений. Например, скульптурный портрет известного революционера Ч. Ильдрима, установленный перед зданием Азербайджанского политехнического института, несущего его имя, или портрет народного художника Азербайджана Лятифа Керимова в Государственном музее азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства, портрет Ю. Гагарина в пионерлагере в Шувелянах. Есть здесь и копии эскизов в глине скульптурных композиций, посвященных павшим воинам, которые будут установлены к 40-летию Победы в колхозе имени Кирова Таузского района, в селе Солтанлы в Джебраильском.

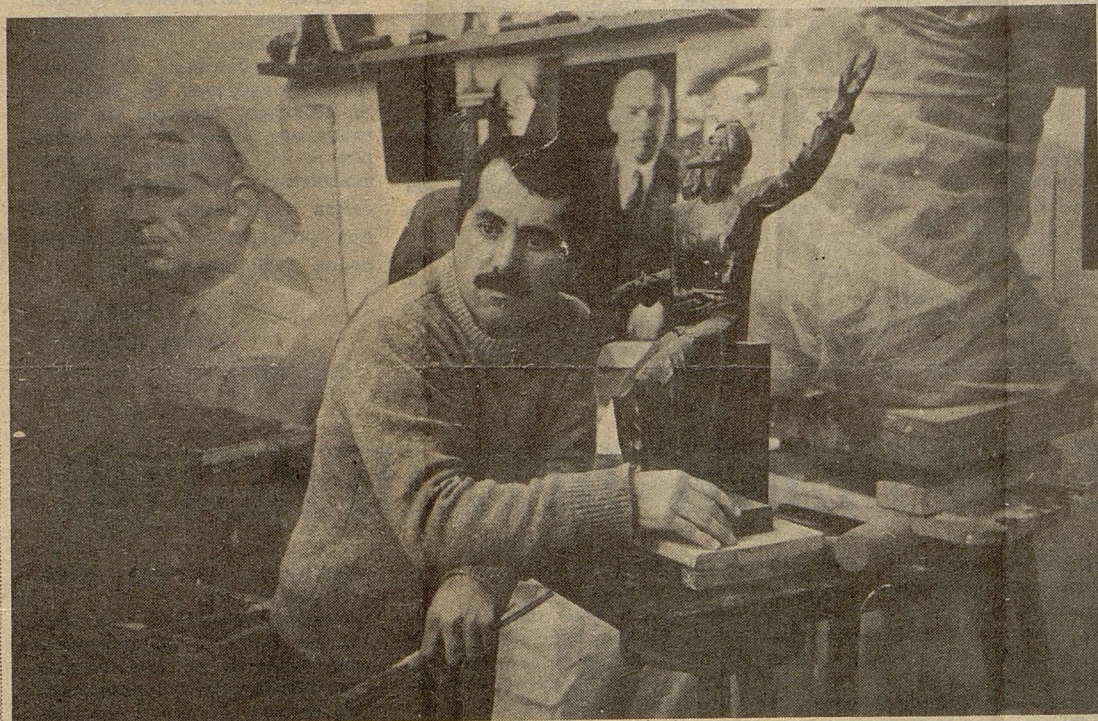
Сейчас Зейналабдин готовит к славному юбилею целую серию портретов ветеранов Великой Отечественной войны, которые можно будет увидеть в дни празднования на одной из открывшихся выставок.

А впереди у него, лауреата премии Ленинского комсомола Азербайджана, еще одно важное событие — XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Быть в Москве во время этого яркого и знаменательного праздника, встречаться с лучшими представителями молодежи всего мира, работать над зарисовками, лепить портреты своих современников — об этом уже сейчас думает Зейналабдин. С фестиваля он привезет, конечно, целую галерею ярких, выразительных портретов молодежи нашей планеты. И мы уже ждем этой новой встречи.

Ф. ГУСЕЙНОВА.

РАССКАЗЫВАЕМ О ЛАУРЕАТАХ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА АЗЕРБАЙДЖАНА

С К У Л Ь П Т О Р

водил он в мастерской, сделали свое дело — глина легко слушалась его пальцев, уверенные движения говорили о возрастающем мастерстве молодого скульптора. Но чем лучше и быстрее работалось, тем большая неудовлетворенность зрела в нем. Правда, однажды он почувствовал великую силу нахлынувшего вдохновения и впервые по-настоящему ощутил творческую радость и удовлетворение.

Это было на четвертом курсе. Общение между студентами разных курсов и разных факультетов было явлением вполне обычным. Они часто собирались вместе для дискуссий, интересовались творческими исканиями друг друга.

Как-то, заглянув в учебную мастерскую, где работали ребята курсом ниже, Зейналабдин с интересом стал наблюдать за их работой. Одна из девушек лепила портрет своей подруги, которая так увлеклась книгой, что, казалось, ничего вокруг себя не замечала. Лицо де-

вушки, необыкновенно четкий, выпуклый, и руки потянулись к глине. Он не помнил, сколько времени отнял у него эта работа, острое желание выразить в форме неуловимую красоту сидящей девушки, схватить и передать образ, характер и внутренний мир человека увлекли и поглотили его, заставив забыть обо всем. А когда работа была завершена, он знал, что она получилась. Зейналабдин испытал чувство удовлетворения, понятное, наверное, только настоящему художнику. А позже он понял еще одну чудодейственную силу искусства: убеждать и открывать людям неизвестные им стороны их характера, преобразовать их в жизни, делать лучше, красивее. Кто-то из ребят рассказал ему, что девушку ту, увидевшую себя вылепленной Зейналабдином, теперь не узнать. Неуверенность и болезненная застенчивость ее исчезли, она прямо-таки преобразилась на глазах.

Еще в студенческие годы, учась мастерству у знаменитых скульпторов, чье творчество вдохновляло Зейналабдина, он всерьез увлекся темой революции. Создать портрет вожда, руководителя первого в мире государства рабочих и крестьян Владимира Ильича Ленина таким, каким он видел его — великим и в то же время необыкновенно простым и доступным, стало настоящей большой мечтой молодого скульптора.

Чтобы найти вот этот образ живого, не «хрестоматийного» Ленина, Зейналабдин часами просиживал в библиотеках, изучал труды вожда, его переписку, статьи

их наставников рождало сомнения: «Не повторяюсь ли я, не сделано ли это уже до меня, правильно ли отразил всю глубину образа?». А кроме того, слишком велика была ответственность, и она требовала не только оригинальности идейного замысла, но и большого мастерства. В работе над образом скульптором опробовались всевозможные варианты, одни наброски уступали место другим, постепенно отсеивалось второстепенное. Образ выкристаллизовывался и оживал, и вот уже мы видим строго очерченную фигуру вожда.

Зейналабдин показывает мне фотографии, на которых долгие поиски скульптора воплотились в реальность: огромный семиметровый монумент вождю революции встал на одной из центральных площадей города Али-Байрамлы. Слово с высоты взирает Владимир Ильич на будущее, о котором мечтал в самые тяжелые годы становления Страны Советов,